

АРХЕОПТЕРИКС ТАНЦУЮЩИЙ

Что бы я изменил в своей жизни? Ну, наверное, сегодня утром не послал бы нашу психологичку на хуй, а, как все, сделал бы вид, что жутко раскאיваюсь. Тогда не пришлось бы писать для нее вот эту маразматическую сюнявую дребедень.

А еще лучше начну с прошлой пятницы. Наверное, не стоило так издеваться над Жирным. наших родителей вызвали в школу, и его мамаша верещала, как резаная. А у самого Жирдяя был такой жалкий вид, что хотелось его еще раз двинуть. Но хуже всего то, что у меня этот его вид теперь из головы не идет.

Но надежнее всего начать с рождения. А еще лучше с того, что было до него.

Спрячусь за чью-нибудь пухлую, в ямочках таких, как у всех мелких, спину, когда прилетит за мной мой аист. Такой, с костяным клювом и пустыми дырами вместо глаз.

Там, где вопят в капусте еще нерожденные младенцы, по земле все время плывут тени от кружащих над ними аистов. Взмахивая черными пуховыми крыльями, мой аист будет искать меня, чертя круги над необозримой поляной, но не найдет. И тогда подхватит и унесет кого-нибудь другого. Ведь там, на Земле, у моих предков все уже случилось, и нет времени искать меня слишком долго.

Аист превратится в точку и исчезнет вдаль, а я ухмыльнусь беззубым ротиком и буду караулить следующего перевозчика на тот или этот — это с какой стороны смотреть — свет. Может, повезет больше — и мне, и предкам.

Тут конечно есть элемент риска. Это как с товарняками — никогда не знаешь, куда катится наглухо закупоренный состав, к которому ты прицепился. Схватишь за длинные жесткие ноги не того аиста, и очнешься в красном душном животе, в желтоватой околоплодной жидкости, как на картинках по кретинскому половому воспитанию. А через неделю та тетка, которой ты достался, узнает наконец о тебе и ужаснется. И со всеми этими еще нераскрывшимися легкими, с несформированными органа-

ми слуха и зрения, ты на краткий миг столкнешься с ярким и жестким белым светом. Он полоснет тебя, как ножом, и ты тут же вернешься обратно.

Вероятно, для тех, кто возвращается, есть другие поляны. Наверняка, их специально отселяют, – поговаривали у нас, – чтобы мы не узнали, как ТАМ. Потому что, если бы узнали, никто не захотел бы родиться. Но, сто пудов, мало кто в это верил, все как-то надеялись на лучшее, и потому старательно кричали, привлекая внимание аистов.

Может быть, и не зря кричали. Многим все-таки везет, хотя это явление относительное. Во всяком случае, мне повезло больше, чем Жирдяю, которого все чморят.

Что касается аистов, то один незадачливый аист даже есть в учебнике по биологии. Он всегда там, кочует из учебника в учебник. Археоптерикс танцующий. Интересно, кому он носил младенцев, если на земле даже пещерных людей не было? Младенцы-то, небось, уже были. Просто ждали. Может этот аист и летал над землей, следя, не появились ли те, кому можно их отнести. Пока его кто-то не сшиб. Первые люди, наверное...

Перечитал. Блин. Психологиня осталась бы довольна. Тут и раскаяние, и грёбаная поэзия, и, наверняка, есть что разложить по Фрейдю. Но не стоит так ее баловать. Лучше скормить это другу-унитазу, а психологичке сдать чистый листок. Табула раса. Пусть радуется.

КНИГА ДЖУНГЛЕЙ ДЛЯ КАТИ

Мать никогда рано не возвращалась, а отец, напротив, почти все время был дома. Но в конечном счете, результат был одинаков – по вечерам Катя была предоставлена сама себе.

Отец спал на диване перед орущим телевизором, рядом, как опрокинутые матрешки, валялись две пустые бутылки. Будь бутылка одна, Катя действовала бы осторожнее, но отец теперь вряд ли мог проснуться.

На всякий случай, стараясь не шуметь, Катя стала одеваться.

Она натянула рейтузы, сверху — джинсы и свитер, и тщательно заправила штанины в толстые носки. Справившись с молнией куртки, она нахлобучила шапку и потуже затянула под подбородком завязки капюшона.

Оставалось только надеть сапоги, и Катя, встав на колени, вытащила их из-под шкафа. Сапоги были рваные, но красивые. Катя полюбовалась ими пару минут и осталась довольна.

Подойдя к двери, Катя прислушалась, но на лестнице было все тихо. Тогда она повернула ключ в замке и вышла на площадку. Резиновый коврик у соседской двери, где часто ждал ее Бандит, сегодня пустовал. Косолапя в толстых рейтузах, Катя спустилась по лестнице. Днем она ни за что не вышла бы в них на улицу, но теперь, когда стемнело, двор был безлюден, и он снова стал ее территорией.

С полудня, когда в воздухе закружились первые снежинки, снегопад не прекращался ни на минуту, снег падал и падал, заметая черную землю, и теперь двор будто выбелило.

На снегу читались редкие следы прохожих. Катя осмотрелась и выделила из всех других отпечатки мужских тупоносых ботинок. Эта грузная дичь явно стоила охоты настоящего волка. Катя сделала пару шагов вдоль следа, но остановилась в раздумье, заметив, что глубокие вмятины сильно припорошены. Человек прошел здесь давно и его, наверняка, уже не догнать.

Катя с сожалением оставила след и вскинула голову.

Это была хорошая ночь для охоты, не хватало только Бандита. Но у пса, видимо, были свои дела.

Внимательно глядя под ноги, Катя обошла маленький скверик со скамейками, и на перекрестке, в свете фонарей наткнулась на новый след. Этот был женский, с острыми пиками каблучков. Катя подняла голову и шумно втянула в себя воздух. Пахло лишь легким морозцем и снегом. Но ведь глаза-то у нее были.

Катя последний раз оглянулась в надежде увидеть Бандита и пошла по следу.

След бежал мимо общежития, мимо школы и дома, где жила одна из самых мерзких воображал в ее классе, и уводил дальше,

за дорогу, в чужие дворы. Дорогу уже развезло, и местами белая тропа терялась, но затем находилась снова. Порой Катя тоже переходила на бег, спеша настичь добычу раньше, чем та скроется в подъезде. Катя взмокла и запыхалась, волосы выбились у нее из-под шапки и лезли в глаза и рот.

И вдруг цепочка шагов оборвалась.

Переводя дух, Катя остановилась над местом, где узкие отпечатки женских ног пересекал двухполосный след машины. За ним снег так и остался нетронутым. Ни крови, ни сбитого тела. Катя походила вдоль тротуара, и вынуждена была оставить погоню.

Она подняла голову и огляделась. Снегопад прекратился, и пелена туч прорвалась. Двор показался ей незнакомым, но, приглядевшись, она узнала заднюю стену детсадовского корпуса.

Днем здесь играла малышня, зато поздно вечером и ночью он был необитаем.

Детская площадка застыла в лучах прожекторов. Вокруг, словно в темном зрительном зале, не было никого. Будто кто-то зажег огни и ушел. Протиснувшись между прутьев, Катя осторожно ступила в освещенный круг из темноты. Но никто не окликнул ее. Она вышла в центр круга и медленно обернулась вокруг своей оси. Только провалы в снегу, там, где она прошла только что, нарушали нетронутость первого зимнего покрова. Катя сделала несколько огромных прыжков, призванных обмануть возможных преследователей, раскрутилась как можно сильнее и, наконец, потеряв равновесие, раскинула руки и рухнула на спину. Снег лишь слегка прикрыл землю, и Катя больно ушибла локоть, но не заплакала. Перед глазами кружились ветви деревьев, темное небо и козырек беседки. Она тихо лежала в снегу, пока небо с мелкими, теперь уже зимними, звездами не встало на место.

Без Бандита даже охота не была такой веселой. Катя поднялась на ноги и побрела к дому.

Приоткрыв скрипучую дверь подъезда, Катя тихо спросила у темноты:

— Бандит?

Она замерла, боясь в ответ услышать чей-нибудь смех или ругань. Но ответом ей был лишь свист ветра сквозь щели оконных рам. Она аккуратно закрыла дверь.

Уже и подросшее кошачье семейство показалось из подвального окошка.

Катя распласталась на нижней ветке старого тополя и прижалась щекой к замороженной коре. Кошки бродили под деревом. Они родились летом и теперь, почти взрослые, с некоторой опаской исследовали этот новый белый мир. Жаль, что кошки эти не годились ей в товарищи.

Катя вглядывалась в темноту двора. Но ее Серого Брата не было.

Казалось, жизнь в Катином теле тоже замедлилась, приравливаясь к почти остановившемуся на зиму движению соков в теле дерева. Она тоже теперь была кошкой, или просто наростом на стволе.

Ноги Кати давно промокли и постепенно начали стынуть. Зябкая дрожь понемногу пробиралась под одежду. В ней жили только глаза, и они, наверное, так же светились в темноте, как и кошачьи. Даже редкие прохожие не всегда замечали ее на этом дереве, проходя в каких-нибудь двух шагах.

Мать она узнала еще издалека и нехотя спрыгнула на землю.

Та шла грузно, согнувшись под тяжестью сумок и пакетов.

Катя потянула за ручку пакет, что казался тяжелее.

— Оставь, — раздраженно отмахнулась мать и подтолкнула ее в раскрытую дверь.

— Ты уроки сделала? — спросила она, вваливаясь с сумками в тесную прихожую.

— Угу, — ответила Катя, щурясь на слишком яркий свет.

— Отец тебя покормил? Ты ела?

— Ага.

Катя стянула с себя отяжелевшую куртку, заснеженную шапку и долго-долго стаскивала промокшие сапоги, разбухшие и покоренные от сырости.

— Опять ты читаешь это? Ты наизусть ее еще не знаешь?! —

Мать подняла с подоконника потрепанную книжку и раздраженно швырнула на стол.

— Не знаю.

— Что ты бормочешь? Говори громче!

— Я говорю — не знаю.

— Почитала бы что-нибудь другое, мало что ли книг от деда осталось?.. И так уже в звереныша превратилась... Ты уроки делала?

— Ты уже спрашивала, — Катя осторожно подобрала книжку со стола и скрылась в своем углу за шкафом. За ее спиной, не просыпаясь, пьяно заворчал и заворчался отец, реагируя на включенный свет.

— Подъем, — устало сказала ему мать, трясая за плечо, — Сте-
лить надо!

Зазвенели бутылки.

Катя положила книжку на стул, поближе к кровати, словно боясь, что ее может вовремя не оказаться под рукой. Она читала ее миллион раз. И только конец в этой книге ей не нравился. И те страницы, где звереныш становился человеком, так и остались белее других.

БАБА-ЯГА В ТЫЛУ ВРАГА

Видимо, далекие девяностые были временем духовных исканий для Лилиной семьи. Из раннего детства Лиля помнила, как во время телетрансляций Кашпировского мать расставляла перед экраном телевизора тюбики с кремом и зеленые, полные воды, трехлитровые банки. Кашпировский протягивал к ним руки из-за вздутого телевизионного стекла и шевелил пальцами. А потом Кашпировский исчез, и, с легкой подачи какой-то знакомой, они с мамой стали ездить в храм.

Храм был темный, и от камней несло холодом. На своей первой вечерней службе Лиля стояла за колонной и смотрела изда-
лека на приходских детей, жадно впитывая все — как они были одеты, как вели себя. Девочки держались немного манерно, под-

ражая взрослым, поправляли выбившиеся из-под платка волосы, и носили длинные юбки. Никто в ее школе так не одевался, но чем больше Лиля смотрела на этих девочек, тем круче они ей казались.

Занятиям в воскресной школе поначалу мешала изостудия, но вскоре Лиле разрешили бросить художку. Видимо, в мрачном межвременьи девяностых людям казалось, что земное все равно дожидает последние дни.

Лилин детский духовник еще и теперь помнил ее. Он и «благословил» ее работать в детском психоневрологическом интернате вместе с сестрами милосердия.

С тех пор платки и юбки вернулись в ее жизнь.

С утра падал снег, но к середине дня потеплело, и снег сменился дождем, который барабанил и барабанил по подоконнику игровой комнаты, отдаваясь в Лилиной голове. И ее друзья-приятели не веселились сегодня. Расползлись по разным углам, и занимались своими делами. Маська, трехлетний дауненок, жевала рукав своего нарядного платьица, в которое ее с утра вырядили нянечки. Дэцэпэшник Ванька Соколов вел себя непривычно тихо и, предоставленный самому себе, трудился над занавесками. Заметив, что Лиля наблюдает за ним, Ванька поднял голову, зафиксировал на ней взгляд и ухмыльнулся.

— Не смешно, — сказала Лиля и за руки и отволокла его подальше от окна. — Тут лежи! — грозно сдвинув брови, добавила она.

Ванька, оценив шутку, хмыкнул и немедленно, ползком, волоча за собой ноги, отправился в обратный путь.

Лиля опустила на покрытый матами пол, прислонилась спиной к огромному кожаному мячу и закрыла глаза. Голова начала болеть еще утром, и теперь боль пульсировала в висках, чудовищно вспухала где-то позади глазных яблок.

Пусть сегодня занимаются, чем хотят. Пусть Маська дождет свое платье. Лиля сползла еще ниже, прикрыла ноги длинной юбкой и подложила под щеку локоть. Пусть Ванька порвет занавески на лоскуты.

От рук едко и удушливо пахло детским кремом, тальком и памперсами. Она вытащила из кармана телефон, завела будильник и провалилась в сон.

Будильник прозвонил ровно через пятнадцать минут, вырывая ее из забытья. Она вскинула голову и огляделась. Игровая комната с белыми стенами, белыми матами на полу и сквозняками качнулась и встала на свое место.

Матька, видимо, устав сидеть, опрокинулась на спину и болтала в воздухе ногами. Из обеих ее ноздрей свисали сопли. Ванька, увидев что Лиля проснулась, оторвался от занавесок и протянул в ее сторону руку, как обычно делал, когда здоровался.

Все было нормально. Лиля перевела дух и помахала Ваньке в ответ.

– Уже виделись, – пробормотала она.

Она подошла к Маше и вытерла ей нос. Потом сняла с пластмассовой горки свой халат и отправилась за коляской.

Едва выехав в коридор, она услышала дребезжание раздаточной тележки. Значит, уже развозили обед.

Лиля выгрузила Соколова в его изодранный манеж и занялась теми, кого сестры в последние несколько месяцев пытались научить орудовать ложкой.

– Не таскай одна, они же тяжеленные все, – крикнула ей одна из нянек, но Лиля только махнула рукой.

Она рассадила «ложечников» за столики и залюбовалась своей работой. Картинка из будней образцового детского садика: умытые детки в слюнявчиках ждут обеда и стучат ложками по столу.

Но не прошло и трех минут, как идиллическая картинка затрещала по швам. Обед запаздывал, и плохо зафиксированная Кристина сползла со стула и лежала подбородком на столе, собираясь зареветь. Салфетка Наташки Рошташ валялась на полу. Черноглазая Наташка с интересом наблюдала за Лилей, ожидая ее реакции, и, как всегда, Лиле показалось, что та все понимает. Но это была только иллюзия, Лиля видела Наташкину карту, где

одним из диагнозов значилась идиотия.

– Что, Роштакка? Хулиганишь? – прогремела над ней Галя, нянечка.

Она сунула Наташке под нос огромный, почти мужской, кулак.

Наташка захихикала, обнажая беззубые десны.

Галя походя, одним рывком подняла Кристину с пола и водрузила ее обратно на стул.

– Испортили они тебе всю красоту? – посочувствовала Лиле вторая нянька.

Лиля вымученно улыбнулась.

Перед глазамиплыли красные круги, и она несколько раз едва удерживалась от того, чтобы бросить все и сбежать, куда глаза глядят.

За обедом даунонок Петя Никифоров, как всегда, швырялся ложкой. Нырря за ней под стол, Лиля чуть не проворонила тарелку, ловко запущенную Петькой по той же траектории. Совсем как в первый день работы здесь, когда она соскребала утреннюю кашу с ковролина.

– Петя, блин, – прошипела она и сама поразилась желанию треснуть как следует противного мальчишку. Петя скорчил ей рожу и засмеялся. Он тоже, как и Наташка, был весельчаком.

До сестринской комнаты Лиля еле дотащилась. Но едва она упала на диван, как в замке заскрежетали ключи.

С огромными пакетами из Ашана в дверь протиснулась Света, старшая среди сестер.

– Что, дождь на улице? – пробормотала Лиля с трудом принимая сидячее положение и перегибаясь через подлокотник дивана за сумкой.

– Ну да, морось какая-то... Как тут все? – поинтересовалась старшая, разгружая продукты и загромождая ими стол и холодильник.

Лиля вскрыла упаковку и выдавила на ладонь две таблетки «Анальгина». Закинув их в рот и запив водой, она дежурно выложила новости.

— Петя Никифоров попытался швырнуть у меня тарелку, но быстро вспомнил, с кем имеет дело. Потом соизволил отобедать. Ленился, правда, — все знали, что Петька у Светы любимчик, и охотно потчевали Свету историями про него. — Манька, кажется, заболевает...

— Ты себя плохо чувствуешь? — Света кивнула на пустой стакан.

— Да, нет, так, голова немного...

Лиля замолчала и посмотрела на старшую. Почему-то ей показалось, что Света выглядит сейчас слегка виноватой.

— Слушай, спасибо, что согласилась работать сегодня, — остановившись посреди комнаты, проговорила та.

— Да ничего, — ответила Лиля и только пару секунд спустя поняла, о чем та говорила. Ну да, Страстной Четверг. Она вздохнула и грустно ей улыбнулась.

— Ну, кому-то же надо...

Света благодарно кивнула.

— Ну ладно, я побегу, — сказала она, собирая опустевшие сумки. — Мне еще домой нужно перед службой заскочить....

Ожидая, пока Света уйдет, Лиля раскрыла сестринский журнал. Писать особо было не о чем. Она перелистнула страницы и открыла последнюю. Последний лист в журнале вечно был разрисован, несмотря на Светино ворчание. Улыбающаяся до ушей медсестра смутно кого-то напоминала — рисунок, видимо был портретом с натуры. А белый платок с крестом не оставлял сомнений в профессии изображаемой.

К тому времени, как в двенадцать лет Лиля бросила воскресную школу и перестала ходить на службы, почти все ее новые подружки уже собирались в будущем стать сестрами милосердия. Кто бы мог подумать, что и она всё-таки окажется среди них.

За старшей хлопнула дверь, и Лиля, отложив журнал, снова закрыла глаза.

К концу тихого часа таблетки, наконец, подействовали, и головная боль отпустила. Улыбаясь Лиля вошла в бокс и остановилась на пороге.

— Все болеют, Лиль, — заметив ее, сказала нянечка. — Даже и не знаю, кого ты возьмешь.

Лиля уперла руки в боки и обвела глазами бокс.

— Ваня? — громко сказала она, наконец.

Ванька поднял голову в своем манеже и замер.

— Кажется, сегодня твой день! — со вздохом объявила она.

Одевать Ваньку, охваченного бурной радостью, было делом не простым, но привычным. У каждой из сестер были здесь свои любимчики. Ванька Соколов не был ничьим любимцем. Он все рвал, и был уже слишком большой, через год его должны были перевести во взрослый интернат.

Но Лиле он нравился. Наверное, тем, что никогда не плакал. Он был стойким парнем.

Лиля выкатила коляску с Ванькой на крыльцо и стянула с головы косынку. Другие боксы еще не вышли на прогулку, и притворяться было не перед кем.

Дождь прекратился, деревья в оттаявшем парке чернели мокрыми стволами. Было пасмурно и тихо. Медленно приближались сумерки.

Совсем скоро, в пять часов, во всех храмах должны были начать читать Двенадцать Евангелий. Был Страстной Четверг и все в этот вечер должны были быть на службе. За работу в такой день Света ее и благодарила.

Лиля сделала круг по территории и съехала на оттаявшую дорожку в парк.

Глухо скрипели, качаясь на ветру, старые березы.

— Что, Соколов, не боишься? — усмехнулась она, наклоняясь к Ваньке. — Может, с ветерком?

Ванька заерзал в коляске, услышав ее голос и наконец, сумев развернуться, довольно хмыкнул.

— Я так и думала, что ты не против, — посмеялась Лиля.

Коляска подпрыгивала на ухабах и тряслась, комья грязи летели из-под колес, но Ванька только повизгивал от восторга. Что ни говори, а он был хороший товарищ. Наконец Лиля запыхалась, сбавила скорость и пошла шагом, улыбаясь и вдыхая

пахнущий землей весенний воздух. Она не спешила вернуться в бокс. Кажется, и Соколов не спешил туда вернуться. В этом они всегда были солидарны. И лишь когда совсем стемнело, и во всех корпусах зажглись огни, Лиля направила коляску к пандусу.

— Ну и грязные же мы с тобой, — пробормотала она. — Сейчас кому-то влетит, если как следует не отмоемся.

Лиля завезла коляску в ванную и открыла воду. Ванька в своём манеже, в боксе, наверняка уже с нетерпением ждал тележку с ужином. Отчищая Ванькин комбинезон от грязи, Лиля думала о том, что приходит сюда, в интернат, едва ли не каждый день вот уже год, но так и не научилась чувствовать себя одной из сестер. Иногда во время послеобеденных прогулок с детьми она останавливалась у ограды и подолгу смотрела, как забором ездят машины и свободно ходят люди. И чувствовала, будто с этими безнадежно больными детьми заперли здесь и ее.

После ужина ее смена заканчивалась. Лиля вышла за проходную и побрела к метро, чувствуя, что, пусть ненадолго, но все закончилось. Она не была больше ни терпеливой, ни уравновешенной, ни милосердной. Наверное, она не была даже христианкой, потому что не собиралась идти на службу ни завтра, ни даже, наверное, на Пасху. Она была просто усталой. И это было хорошо.

НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ УЛОВ

В последний день перед отъездом Машка с утра напялила на себя это нелепое платье. Оно было каким-то старомодным, с отложным воротничком, только что нафталином не пахло, и вовсе ей не шло.

Она шагала теперь, гремя крупной галькой, вдоль самой прибойной линии, отмеченной слизью и вынесенными на берег водорослями. Временами Машка наклонялась и, подобрав круглый гладкий голыш, швыряла его в воду, но камни улетали недалеко и плюхались в море в нескольких метрах от берега.

Андрей молча брел за ней по склону, но к морю не спускался.

С самого утра он чувствовал себя простывшим, и к воде его не тянуло.

Ветер до рассвета надул над морем тучи, и солнце временами пропадало, гася и вмиг сводя на нет тени, а затем вспыхивало снова. Под ногами хрустела выжженная трава, и залпами сухих искр врассыпную выстреливали кузнечики.

Машка за что-то на него дулась, но это случалось с ней часто, и сейчас он чувствовал себя слишком разбитым, чтобы выяснять, в чем дело.

Наконец Машка поднялась к нему и, переводя дух, села на землю.

— Что, если я беременна? — спросила она вдруг.

Машка смотрела на него пристально, как-то изучающе, что ли, и он совсем растерялся под этим взглядом. Из носа текло и он поспешно вытащил мятый и грязноватый платок. Высморкавшись, но не получив от этого облегчения, он снова поднял на нее глаза. В носу щипало от пыли, скопившейся в платке, и он как нельзя не к месту два раза чихнул.

Теперь Машкино лицо выглядело злым.

— Ты серьезно? — поспешно пробормотал он. — То есть... Ты уверена?

— Нет блин! — Машка резко откинула с лица волосы. — Хотя, с тех пор, как твоя мать отказалась выслать нам денег...

Андрей пораженно уставился на нее.

— При чем здесь мать?..

— Гондоны давно в глаза видел? — перебила его Машка.

— Ну... Я вроде всегда успевал... А что у тебя?.. У тебя же, вроде... Вроде, рано еще?..

Машка покосилась на него с недоверием и чем-то похожим на брезгливость.

— О Господи! Ты что, дни считаешь?.. Как физрук! Наш тоже всегда знает, когда у кого месячные. Вечно: «У тебя в этом месяце уже два раза были!..» Придурок...

Машка скорчила гримасу. Потом задумалась.

— Ну вот сколько мы здесь? Месяц?

– Дней двадцать...

– Ну пусть двадцать, да еще дней десять там. Вот и смотри...

Она принялась считать, загибая пальцы.

– Уже несколько дней, как должны!.. – заключила она.

– Ты уверена? – еще раз повторил Андрей и почувствовал себя ослом.

– А что если да? – Машка вдруг взорвалась. – Что, если да?

Андрей сглотнул слюну. Он изо всех сил старался теперь встретить новость как мужчина. В конце концов, Машку он любил. И когда-нибудь, пусть и очень нескоро, это все равно бы случилось. Где-то в глубине таилась ещё мысль о маме, которая, конечно же, поможет. Не оставит же она своего собственного внука. И эта мысль поддержала его как ничто другое. Андрей вздохнул и почесал подбородок уже спокойнее. Пожалел, что щетина растет так неохотно.

– Ну значит, заведем спиногрыза, – сказал он и покровительственно обнял ее за плечи. И тут же подумал, что, кажется, голос прозвучал твердо, как надо.

Машка смотрела на него недоверчиво, словно ожидала совсем другой реакции. И он весь раздулся от гордости. Ему стало почти весело.

– А что, моя мать мечтает о внуках! Она, правда, скажет: «Съездил к морю, блин. Привез улов!» Но все равно обрадуется, – Андрей рассмеялся. Потом снова достал платок и высморкался.

Машка задумчиво покачала головой.

– А мои будут в ужасе...

– Но обрадуются же?

– На самом деле – нет. Реально – придут в ужас, – она хихикнула. – Ну да и ладно...

Когда они снова добрались до пляжа, была уже ночь. Машка, в его футболке, облитой вином, повисла у него на руке, и смеялась не переставая.

Такой она нравилась Андрею, пожалуй, больше всего, и потому он никогда не мешал ей пить. Он, правда, подумал сегодня,

что ей, может быть, теперь пить и не стоило. Но она так уверенно говорила, о женщинах «в ее положении», и, в конце концов, из них двоих на медика училась она, так что Андрей совсем успокоился.

С моря подул ветер, заставив Андрея поежиться.

— Мне кажется, что дубак? — спросил он.

— Какой дубак?! Смотри не зарази меня, папочка, — хрипло и пьяно захохотала Машка, — Весь улов потравишь.

Андрей засмеялся. Он чувствовал себя веселым и бесстрашным, как человек, уже прыгнувший в пропасть. В который уже раз за вечер, он спикировал к Машкиным ногам и чмокнул ее в мягкий, чуть выпуклый животик.

— О, Господи, хватит! Там нет еще ничего, кроме лишнего жира. Он сейчас еще во-от такой, — Машка, прищурившись, почти сомкнула большой и указательный пальцы, показывая размер кого-то, не больше песчинки. И стала раздеваться.

— Пойдешь со мной? — спросила она.

Андрей посмотрел на море, с рокотом накатывающее на замусоренный песок и камни пляжа. Оно было черным и непроглядным, и Андрей снова подумал, что лучше бы не пускать теперь Машку в воду одну. Но думать о холодной воде было неприятно. Уже несколько часов, как к насморку прибавилось донельзя мерзкое першение в носоглотке, и от одной мысли, оказаться сейчас в ледяной склизкой воде, он почувствовал озноб и застегнул ветровку до горла.

— Может, не надо? — без особой надежды спросил он.

— Ладно, раз ты не хочешь, — легко согласилась Машка и засмеялась снова, так что Андрей подумал было с удивлением, что Машка, в кои-то веке, послушалась его.

Машка скинула шлепанцы и обернулась к нему через плечо.

— Что тебе принести из моря? — спросила она с вызовом.

— Себя обратно принеси, — грустно ответил он и уселся на песок рядом с ее вещами.

Она кивнула и, танцуя от боли по острым камням, направилась пирсу.

Он видел, как мелькнули в разреженной темноте ее молочнo-белые ноги и следом услышал одинокий всплеск.

Удар о воду оказался жестче, чем она ожидала. На секунду острая боль стрельнула от живота к спине, так что Маша едва не вдохнула под водой. В окружающей тьме забурлили пузыри, и на секунду она перестала понимать, где поверхность. Потом в состоянии, близком к панике, она дернулась следом за пузырьками и всплыла, судорожно втягивая воздух и отплевываясь. Отдышавшись, она пошевелила пальцами ног. Боли она не почувствовала и потому успокоилась и поплыла.

Она плыла от берега туда, где абсолютная чернота неба неразличимо переходила в непроницаемую для света бездну моря. Вода тихо плескалась вдоль ее рук и около лица, и только по этому плеску она понимала, что в воде.

Последние отголоски какой-то хмельной суетливой радости, каких-то праздников и тостов, будто смыло с нее, и она прониклась ощущением космической пустоты и одиночества, странно успокоивших ее. Когда она, наконец, обернулась, то не сразу смогла найти берег, белеющий тонкой полоской камней и песка вдали.

Она отдышалась, пугаясь оглушительных хриплых звуков своего дыхания, и поплыла обратно, всматриваясь в берег и чувствуя ноющую боль в шее от необходимости держать голову над водой. Берег, казалось, не приближался. Огромное и непобедимо-сильное море не хотело отпускать ее, уносило невидимыми глазу течениями.

На камни она выбралась совсем без сил.

В эту ночь Машка заснула, так и не одевшись и не перебравшись обратно на свою кровать, как делала почти всегда.

Андрея мучила боль в горле и ломота во всем теле. Под легкой простыней его знобило, хотя эта ночь ничем не отличалась от прочих душных южных ночей. Он хотел встать и заварить себе горячего чая, но ему стало жаль будить Машку и того, другого, который тоже спал в ней сейчас.

Он поплотнее завернулся в простыню и осторожно, чтобы

Машка не проснулась, притеря к ее горячей спине. Он лежал, с трудом сглатывая слюну, обдирающую раздраженное воспалившееся горло, пока наконец не заснул.

Проснулся он от того, Машка рядом ворочалась и чуть постанывала от боли. Он приподнялся на локте. Через занавеску в дверном проеме был виден рассвет. А потом он увидел пятна.

Андрей испуганно вскочил и уставился на простыни, растирая лицо руками.

Машка не глядя на него, вылезла из постели и стянув с кровати пододеяльник, завернулась до самого подбородка.

— Сам простыни постираешь, — сказала она бесцветно.

За ней качнулась занавеска, и снаружи послышался хруст гравия и сухой стук обуви без задников по сухим, прокаленным за лето плитам дорожки.

Машка долго не возвращалась, и Андрей пошел за ней следом к душевой кабинке в глубине сада. Он слышал, как она возится там, но, сколько ни стучал, Машка дверь не открыла.

Он побрел к умывальникам и ополоснул лицо холодной водой. Горло всё ещё немного першило, но насморк, кажется, проходил.

Вдоль тропинки цвели розы, и пахли в зарождающемся зное нового дня, сладко и удушливо. Он подставил скомканные простыни под струю. Красноватая вода стекала струйками в обитую чугунную раковину и уходила в отверстие слива. Дребезжание язычка умывальника и стук капель по раковине громом раздавались во дворе еще непроснувшегося дома. Пятна расплылись, только немного посветлев, превратились в розовые и размылись, оставив контуры по краям. Теперь, наверное, можно будет, при желании, принять пятна за винные.

Кинув комок простыней в комнате, Андрей вытащил на дорожку собранные еще накануне чемоданы и уселся ждать рядом с ними. Небо было неясное, маревное, молочно-розовое. Чемоданное утро.

Машки долго не было. Потом она появилась на дорожке уже одетая, бледная, с посеревшим лицом. Когда она успела одеть-

ся? — поразился он. Потом взгляделся в её лицо. Утренняя зябковатость и бессонница, превращающие загорелые лица в серые и изможденные, делали Машкино лицо одутловатым, обозначив мешки под глазами. Машка совсем не показалась ему красивой сейчас, и он почувствовал перед ней смутную вину за это.

Он встал, чтобы обнять ее, но Машка отстранилась.

Она села на чемодан. Словно озябнув, обняла себя руками.

— Ты знаешь.., — сказала она и замолчала.

— Что?

— Да не знаю я... То!.. — взорвалась она. — То ли мы просрали... его, то ли... не знаю!

Андрей молчал, стараясь придумать что-нибудь, но ничего не приходило ему в голову. Он потер рукой вялое заспанное лицо и взъерошил волосы.

— А может, это месячные?.. — наконец спросил он.

Машка медленно и криво усмехнулась.

— Думай, как тебе больше нравится.

Она встала и потянула за ручку чемодана.

— Хорош улов!.. — она посмотрела на простыни, валяющиеся у двери, и вдруг хрипло рассмеялась.

Андрея покорило от ее смеха.

— Что? — спросил он.

— Да ниче... Я подумала: Хорошо, хоть труп прятать не надо...

Она засмеялась снова, и Андрею почему-то стало неприятно находиться рядом с ней.

Его взгляд упал на Машкины коленки, темные от загара, в свежих розоватых царапинах от камней. Коленки были знакомые, не то, что Машкино новое, постаревшее лицо. Именно постаревшее, вдруг подумал он с каким-то мстительным чувством. И ему почему-то захотелось плакать.

Автобус трясло и заносило на резких поворотах дороги.

За окном мелькали выжженные поля, и давно уже не было видно ни гор, ни моря.

Маша заснула, и проснулась от ощущения липкой, горячей влаги между ног. Она резко дернулась и проверила рукой шорты

и сиденье под собой.

– Сколько времени? – спросила она.

Андрей неохотно вздернул руку и посмотрел на часы.

– Половина первого.

Машка поерзала на сиденье и беспокойно оглянулась.

Солнце палило сквозь стекла автобуса. Большинство пассажиров спали.

– Ты чего? – спросил Андрей.

– Ничего.

– Машка?

– Да блин... Я щас протеку. А нам еще полчаса ехать...

Лучше бы с рожденья менопауза, – проворчала она.

– Думаешь, все-таки месячные? – с надеждой спросил он.

Машка наморщила лоб.

– Кто их разберет, эти сгустки...

Андрей взял ее руку и сжал.

– Ничего, если протечешь, забежишь в туалет, я тебе шорты свои дам. Не ссы, лягуха, болото наше, – добавил он и улыбнулся.

И улыбнулся как-то так, что она поверила – все будет хорошо.

ОДНОЛЁТКИ

Спать их уложили в разных машинах.

Артем скрючился на сиденьях одной из фур – при свете дня он не успел ее рассмотреть, но среди горящих фар и вспыхивающих огоньками зажигалок она показалась ему красной.

Галка провела ночь в Камазе.

Артема мучила бессонница, он возился и ворочался и, как только за стеклами кабины забрезжил рассвет, сел на сидении и выглянул в окно.

Через запотевшее за ночь стекло, Артем видел, как вскоре из кабины КамАЗа показался водила. Он спрыгнул на землю и сладко потянулся. Галка вылезла следом, достала зеркала

и заново подвела размазавшиеся глаза.

Край неба едва розовел, но было почти светло. Фуры непроснувшимися чудовищами толпились на огромном асфальтированном пустыре. От самой проволочной сетки и до горизонта тянулись за забором молодые березовые посадки. Будто на месте давних гарей.

Галка засунула руки поглубже в карманы ветровки, оттянув ее пузырем на животе, и зашагала между рядами фур. Голые ноги зябли на утреннем ветерке. Она дрожала и опасно поглядывала на кабины фур, стремясь быстрее преодолеть расстояние до угла огромной стоянки, где виднелись забегаловка и туалет.

Когда она вернулась, отряхивая капли воды с влажных волос, Артем уже был внизу. Растеряно чесал затылок, моргал и щурился. Очки свои он разбил еще под Чебоксарами и без них почти всегда теперь выглядел растеряно.

— Ну как ты? — спросила она, подходя ближе.

— Ничего. А ты?

Она нервно улыбнулась и пожала плечами.

— Нормально. Он сказал, что может довезти нас до Омска.

Поедем?

И она, и Артем невольно оглянулись на водителя, с фырканием обливающегося из канистры. Его незагорелое тело белело в молочном утреннем свете.

Накануне они сели в его машину уже в сумерках, затопивших окрестные перелески и трассу на Казань.

Камаз, казалось, пролетевший мимо, резко съехал на обочину. Галка подбежала, глотая поднявшуюся за ним пыль, и, взобравшись на подножку, не переводя дыхания, выпалила:

— Привет. До Казани возьмете?

Водитель медленно, как во сне, кивнул.

Галка, вися на подножке, оглянулась на рюкзаки, темневшие на обочине, и на спешащего из перелеска Артема.

— Но я не одна. Возьмете двоих?

Водитель кивнул снова. На нее из глубины кабины смотрели его внимательные глаза. Она улыбнулась и радостно помахала

Темке.

Это был двадцать-какой-то по счету их водитель – Галка давно сбилась, и начинала уже забывать, кто подвозил их под Владимиром, а кто под Чебоксарами, и с какого именно водителя они с Темкой начали называть себя нижегородцами. Парню и девчонке из Нижнего Новгорода, и в самом деле, ехать стало проще. Впрочем, подвозили их в основном местные, и продвигались на восток они слишком медленно.

Дальнобойщики либо вообще не останавливались на них взглядом, либо на пальцах показывали, что возьмут одного. Эта фура была первой, что остановилась на их призыв, и Галка гордилась тем, что именно она «стопанула» ее.

К стоянке под Казанью подъехали уже ночью. В свете фар на капоте вскрывали ножами консервные банки, из кружек, облепленных веточками и черной гарью костров, пили чай и глотали буроватую крепкую дрянь, плеснутую им из бутылки. Галка отливала свою порцию Артему, боясь пьянеть в темноте, на этой чужой, кишасей фурами стоянке, разрезанной огнями фар, смехом, гоготом и матом шоферюг. Но и от той пары глотков, что она сделала, в голове у нее тогда зашумело.

Налетел утренний ветер, и Галка вздрогнула, плотнее кутаясь в куртку. Артем растеряно переступал с ноги на ногу, как слон. Или жираф. И смотрел под ноги.

– А ты как думаешь? Ехать? – наконец спросил он.

Галка еще раз взглянула на водителя и отвела глаза.

– Ну все-таки до самого Омска... Сколько мы еще будем так до него добираться?..

– Ну тогда поедем?..

– Поедем, – Галка передернула плечами.

Вчерашняя стоянка выглядела теперь обманчиво мирной, но Галке не терпелось уехать отсюда. Кое-кто из водителей уже заводил мотор, по-утреннему хмуро глядя по сторонам, две или три фуры на их глазах вырулили со стоянки.

Водитель закончил умываться и подошел к ним.

– Ну... Мы поедем, – объявила Галка и попыталась улыбнуть-

ся.

Водитель кивнул.

— Ехать будем весь день, — предупредил он и полез в кабину.

Говорить с утра не хотелось, и чтобы не смотреть на соседей, Галка смотрела в окно. От трассы песчаными и асфальтовыми змейками убегали вдаль дороги местного назначения, и оставались позади раньше, чем Галка успевала подумать о том, куда они могли вести. Вскоре где-то за пределами видимости по левому борту проплыла Казань.

Около полудня Камаз свернул на проселки без опознавательных знаков. Ухабистая дорога пылила красной иссохшей глиной, покрывая ржавым налетом траву и заросли придорожного кустарника. Солнце стояло в зените и изнывало жаром.

Камаз всей многотонной скрипящей и скрежещущей тушей подскакивал на ухабах, приземляясь с металлическим грохотом, покуда не встал, подняв тучу пыли.

Водитель спрыгнул на землю, достал перепачканную соляркой канистру и скрылся. За медленно оседающим облаком пыли Галка заметила другую машину. Фура выглядела покинутой и была занесена песком цвета высохших эритроцитов. Водитель фуры, видимо, давно их поджидал.

— И как они договариваются о встрече без мобильных и раций?.. По следам в пыли, что ли, вычисляют друг друга? — проворчал Артем.

Галка, сощурившись, посмотрела на солнце, на запыленные кусты и уселась на ступеньку, выставив ноги под палящие лучи. Ноги были колючие и грязные. Она провела по ним рукой и недовольно поморщилась. Потом достала зеркало.

— Артем, хватит сидеть! — зло прикрикнул водитель, и, прежде чем Галка успела оглянуться, Артем исчез в полуденном мареве.

Галка выглянула из-за кабины и увидела, как, подгоняемый водилой, Артем таскает канистры с соляркой. Вернулся он, понуро оттирая мазут с длинных пальцев и ворча что-то себе под нос.

Галка сидела на ступеньке и охотничьим ножом точила карандаш.

— Сломался, блин, — пояснила она, кончиком ножа указав на свой недокрашенный глаз.

Артем уселся рядом.

Водитель вернулся в кабину не раньше чем через час и молча завел мотор.

Вновь затрясло. Их, как деревянных болванчиков, швыряло друг на друга в такт рывкам машины. Голые Галкины ноги прилипали к расплавленному дерматину сиденья. За окном мелькали сожженные солнцем заросли в африканской красной пыли. Июльскому дню, казалось, не будет конца.

Ближе к вечеру на горизонте показались Уральские горы.

С натугой Камаз пополз вверх, потом машину закачало как на волнах. С обеих сторон волновалось беспокойное море залитых светом пустых холмов.

— И это Урал? — фыркнула Галка.

— Он везде разный, — усмехнулся в ответ водитель. — На Южном Урале горы, москвичи с горных лыж катаются.

Галке показалось, что он сказал это как-то по-особому, недобро, и она поерзала на сиденье, невольно переглянувшись с Артемом. И еще внимательнее стала смотреть за окно.

Камаз не останавливался до самой ночи, как заплombированный вагон, он летел вперед. Постепенно, очень медленно, солнце, проплыло сгустком жара над крышей, и, наконец, сползло к ним за спину, длинными лучами пронзив кабину и полыхнув в зеркалах заднего вида.

Лицо водителя посерело от усталости, нездоровый натужный пот скопился в углублениях изможденного лица и дряблого тела. Но выцветшие глаза, воспаленные вниманием, продолжали впитываться в дорогу.

Ночь напознала на Камаз со всех сторон. Горела вьедливым светом только лампочка в кабине.

Артема в его углу баюкала голубая мгла, льющаяся с темного неба и недоступная разрушающему свету лампочки. Ее пыточный

свет поймал в силки водителя и сидящую рядом Галку, образовав тесное пространство ночного бдения.

Галка устроилась поудобнее, но держала глаза открытыми, чувствуя, что тоже не имеет права спать. Она смотрела в темноту, разрезаемую фарами дальнего света.

Фары выхватывали из мрака канавы и заборы, Камаз, громахая, пронесился по извилистым улицам какого-то пригорода.

– Что это? К чему мы подъезжаем? – спросила Галка.

– Тюмень. Раскуришь?

Одной рукой водитель покопался в бардачке и вытащил сигаретную пачку, другой крутанул руль, вписываясь в очередной поворот.

Она с готовностью кивнула.

– Если хочешь? – кивнул он на пачку.

У Галки с Артемом были еще свои сигареты. Но она подумала и вытащила из водительской пачки вторую.

Водитель курил, сунув сигарету в угол рта. Дым уносило в ночь через опущенные стекла.

– Видел я ваши паспорта, – сплюнув за окно, произнес, наконец, водитель. – Вот вы сели в мою машину, едете, врете мне, что вы из Нижнего. Это по-людски? – спросил он.

Галка не ответила.

– И какой ты собиралась мне адрес дать? Или вообще не собиралась?

– Я собиралась... Ну тетки своей адрес... Чтобы она мне пересылала.

Водитель махнул рукой, призывая ее прекратить эти лживые оправдания.

– Видел я других автостопщиков... Легче они... Как бы это сказать?.. А ты...

Он перехватил сигарету левой рукой.

– Зачем это тебе? Зачем он вообще тебя с собой потащил?

Галка хмыкнула.

– Он потащил?! – она оглянулась на Артема, но тот спал. – Это вообще моя идея была. Он! Как же!

Водитель покачал головой.

— Ну и зачем тебе нужно так подставляться? Чтобы мужики к тебе всякие приставали...

Она в раздражении махнула рукой.

— Что мне теперь, не ездить никуда, раз я?.. — и она кивнула вниз, на свое тело.

Водитель рулил. Галка смотрела вперед, за окно, и вскоре ей стало казаться, что никакого разговора и не было. Водитель протянул руку и включил маленький переносной телевизор.

Телевизор трещал, изображение дергалось и тонуло в помехах.

— Мы не заедем в Тюмень? — спросила Галка.

— Окраинами проедем, — процедил водитель.

Тюмень вскоре осталась позади и сбоку, и эфир потерялся в помехах окончательно. Из динамиков раздавался только бесконечный и мерный треск. Водила выключил приемник, и снова был слышен только скрип и скрежет машины.

В разбавленном розовато-сером свете мелькнули восточные окраины дымящей трубами Тюмени, и вновь поплыли в предрасветном тумане за окнами безлюдные зауральские равнины.

За Тюменью небо окрасилось розовым. Потянуло предутренним холодком. Сонными замедленными движениями Галка достала со спального места ветровку и как в плед закуталась в нее, подтянув колени к груди.

На ее глазах солнце, отлепившись от восточного края земли, медленно поползло вверх по небосводу, пока не врезалось в лобовое стекло кулаком жара и слепящего света.

Галка зажмурила слезящиеся глаза и больше не смогла их открыть, чувствуя, что солнце все еще смотрит на нее в упор.

День разгорался. Солнце поднималось все выше и начало накалять воздух. В куртке стало жарко и потно, и она, не открывая глаз, скинула ее, подставив кожу потоку лучей. Пропитанная потом и задубевшая одежда липла к телу, вызывая навязчивые мечты о воде, прозрачной, прохладной, проточной.

Где-то на границе поля зрения Темка, разбуженный солнцем,

чесал лохматую голову и тер глаза, недовольно морщась и зевая.

Временами Галка забывалась сном, и тогда ее тело болтало по кабине.

Часам к десяти утра Камаз зарулил на одну из придорожных стоянок. Водила вытащил канистру и, скинув рубашку, с фырканьем облил себя водой.

— Пойдешь, Галина? — предложил он.

Галка с готовностью прыгнула на землю, но в ту же секунду в ужасе и смущении остановилась. Водитель, держа в руках канистру, ухмылялся.

— Артем, иди, ополоснись, — позвал он.

Темка стянул с тощего загорелого тела майку и подставился под струю воды, ойкнул, вода брызгами плеснула на землю.

— От тебя уже скоро пахнуть начнет! — издевательски продолжал водила, поглядывая на Галку.

— Да ополоснись, чего ты, — неуверенно выдавил из себя Артем.

— Я раздеваться должна? — тихо прошипела она, бешено глядя на Артема. — Здесь?!

— Ну хоть в купальнике,.. — пробормотал он.

Галка затравленно посмотрела на них обоих и снова заметила, как доволен ее замешательством водитель.

— Вот уж не думал, что ты так воду не любишь. Ты и дома так редко моешься? — загоготал он.

Галка вспыхнула и, развернувшись, ушла к машине. Артем расстроено пошел следом.

— Темка, короче, я у окна сяду, — решила она. Артем покоился в зеркало заднего вида на водилу, но молча уступил ей место.

Она плюхнулась на сиденье и подтянула ноги к груди.

— Я даже не знаю уже, какого черта мы едем, — проворчала она. — Тебе вообще все равно, доедем мы или нет...

— Мы уже за Уралом, может повернуть обратно?.. — отозвался Артем и с надеждой поднял на нее большие близорукие глаза. — Сядем в Омске на поезд — денег на билеты у нас еще хва-

тит... Помнишь, мы не верили даже, что до Урала доберемся?! – улыбнулся он.

Она раздраженно взмахнула рукой.

– Это ты не верил. А мне и верить не надо было, – отозвалась она. – Я с самого начала знала, что еду на Алтай.

Темка не ответил, и какое-то время молчал.

– Да? – наконец произнес он.

– Ну да, – недобро усмехнулась Галка. – Важно было вытащить тебя из Москвы, – она хихикнула, – пока ты не испугался и не передумал... Что, хочешь повернуть?

Она свернулась кошкой в своем новом углу и, не дожидаясь ответа, закрыла глаза. Уже сквозь сон она почувствовала, как машина дернулась и стала набирать скорость.

– Галь, где твой паспорт? Галка? – Темка тряс ее за плечо.

Машина стояла, снаружи слышались голоса.

– Блин, Артем, там же, где и твой, – пробормотала Галка и заснула снова.

Кажется, на этот раз она спала долго.

В стекло с тихим стуком и жужжанием билась оса. Звук повторялся, видимо, довольно давно, очевидно, он и разбудил Галку. Оса билась в окно с монотонным упорством. Стекло в белесых подтеках и разводах напомнило Галке окно на старой кухне. И звук был звуком домашней скуки.

Она протянула руку, и оса тут же ужалила ее. Пульсирующая распирающая боль моментально вспухла в пальце и отдалась до локтя. Оса забилась в агонии, скорчившись в кольцо и отчаянно жужжа.

– Черт! Блин! Гадство! – Галка затрясла рукой и тут же сунула палец в рот. Это разбудило ее окончательно.

Артем, согнувшись колесом и уткнувшись носом в колени, дремал. Водитель, не отрываясь, смотрел на дорогу.

За окном в небе ходуном бродили тучи. Похолодало, и оттого, видимо, в кабине и были подняты стекла. Горячим распухающим пальцем она инстинктивно ощупала внутренности Камаза в поисках пролады, но все детали внутренней обивки были

прогреты за жаркие дни, и от тепла боль запульсировала с новой силой.

— «Я ее нечаянно прижала, и, наверно, умерла она. Но конец отравленного жала...» — Галка чертыхнулась. — Вертится и вертится в башке...

Никто ей не ответил. Артем открыл глаза, сонно вздохнул и закрыл снова.

Камаз ехал и ехал.

После обеда машина нырнула в полосу дождя. Вдруг разом потемнел и намок асфальт, дождь замолотил в лобовое стекло, и заползали по нему, вязко меся влагу, дворники.

Туча стояла на месте, заливая безымянные поля и перелески. Минут двадцать подряд Камаз разрезал дождевую стену, а потом так же резко вынырнул с другой ее стороны. Асфальт был сух, и в разрывах туч виднелось ясное небо. Последние капли сползали по стеклам, сверкая на солнце и высыхая, не добравшись до нижней щели. Водитель опустил стекло со своей стороны и закурил. Ворвавшийся в кабину ветер принес запах мокрого леса.

Артем скосил глаза туда, где сидела Галка. Она уткнулась в атлас автодорог, на ту страницу, где помещалась таблица региональных автомобильных кодов.

— Из Омска, — ни к кому не обращаясь, сказала она, глядя вслед попутной машине, и сверилась с атласом.

Артем вскинул голову и посмотрел на дорогу, но машина обогнала их и была уже далеко.

— Артем, а вот как вы собирались и дальше врать, что вы из Нижнего? — не отрывая глаза от дороги, поинтересовался водитель.

— Ну... Мы не думали, что паспорта так часто придется вытаскивать...

— И, главное, зачем вы это делали? — перебил его водитель.

— Из Тюмени, — Галка сверилась с атласом и кивнула самой себе.

Артем машинально взглянул на дорогу.

– Ну, все так резко реагировали на слово «Москва», прямо в лице менялись, – пробормотал он, опуская голову.

Галка ухмыльнулась из своего угла.

– Пермь, – констатировала она.

К закату Камаз наконец свернул на ночную стоянку. Из полудремы Галку вырвал гудок. Впереди, в свете фар замаячила пестрая одежда, мелькали голые женские ноги.

– Спроси, работает? – кивнул Артему водитель. Голос у него был злой.

Артем растеряно оглянулся.

– Спроси у нее! – грубо повторил водитель.

Лицо Артема выражало крайнее смущение, почти отчаяние, но он перегнулся из окна и нерешительно окликнул девушку.

– Э-э. Ум... Вы работаете? – выдавил он из себя.

Послышался смех.

Красный как рак Артем откинулся обратно на сиденье.

– Что сказала? – спросил водитель.

– Ничего, – буркнул Артем и отвернулся.

За ужином Артем проглотил, ставшие уже привычными, резиновую котлету и пюре и, никого не дожидаясь, поднялся из-за стола. Галка молча проводила его взглядом.

Ночью она много раз просыпалась и слышала, что он тоже не спит. Потом место для ног освободилось, и тихо хлопнула дверца кабины. Галка засыпала и просыпалась еще не раз в эту ночь, и Темкино место каждый раз оказывалось пустым.

На рассвете она подняла всклокоченную голову и огляделась. Стекла изнутри запотели, кабина была пуста. На секунду она испугалась, что Темка ушел совсем, но потом увидела на полу оба рюкзака и успокоилась. Она вылезла из кабины, дрожа от ночного еще холода и растирая себя руками. Сонно поглядев кругом, она достала из кармана зеркало и взгляделась в него. Она почти не различала своего отражения в туманном маленьком зеркальце, но лицо показалось ей усталым и потасканным. Она достала карандаш и почти наугад стала рисовать себе глаза.

В дальнем конце площадки зашевелилась чья-то тень. Галка

вздрогнула и выпрямилась, но тень уже вытянувшись в привычную длинную фигуру, и Галка узнала Артема. Он подошел и молча встал рядом.

— Я тут бродил всю ночь, ждал рассвета. Хотел восход солнца сфотографировать, — наконец поделился он.

Она зевнула.

— Клёво.

Артем вздохнул и для храбрости закурил.

— Слушай. Я думаю надо сказать ему, что мы сами до Омска доберемся... Может, поедим чего-нибудь в кафешке... И свалим?

Галка оглянулась с сомнением на двери забегаловки, слабо освещенные изнутри.

— Так что? — Темка протянул руку и коснулся ее щеки,. — Здорово же было. Жечь костры, купаться... Пиво местное... Пить.

— Неудобно, — наконец произнесла она и отстранилась.

Артем выдохнул дым и сплюнул.

— Нормально, — резко ответил он.

Галка с удивлением посмотрела на него.

— Доедем до Омска, а там что?

— Поедем дальше, — подумав, ответил Артем. — Мы уже много проехали, половину пути. Глупо теперь поворачивать назад... Поедем уж до Алтая.

Галка хотела что-то ответить, но усталость и бессонница взяли свое. Она прислонилась спиной к кабине и прикрыла глаза.

— Ты уже хочешь ехать? — сонно спросила она.

Ответа не было так долго, что ей пришлось, наконец, открыть глаза. Артем смотрел в сторону восходящего солнца.

— Знаешь, да. Теперь хочу, — ответил он и повернулся к Галке. — А ты уже нет?

— Я хочу спать, — покорно отозвалась Галка и снова закрыла глаза. — Так что? Мне сказать ему, что мы уходим?

Его голос, когда он ответил, показался ей почти незнакомым.

— Не стоит, — сказал он. — Я сам с ним поговорю, а потом подойду с рюкзаками в кафе... Иди туда, я скоро, — добавил он.

Она пожала плечами, а потом вдруг выпрямилась и с подо-

зрением уставилась на Артема.

– Ты с ним драться, что ли, собрался?! – догадалась она.

– Я? Нет... А что, есть из-за чего?

Галка пожалала плечами.

– Нет. На самом деле, нет.

– Ну и отлично, – кивнул Артем.

– Точно не будешь? – еще раз уточнила Галка.

– Не буду, не буду...

Галка, подумав, оттолкнулась спиной от кабины и, засунув руки в карманы бриджей, побрела к кафе. Оборачиваясь, Галка видела, как на фоне встающего солнца вырисовывается Темкина длинная фигура. Он стоял у машины и курил.

ПТЕНЕЦ

Было около двенадцати часов по-летнему жаркого апрельского дня, когда самая толстая девочка в девятом «А» классе села на обочине дороги и объявила, что не может идти дальше. А ведь они только и успели, что на пару километров отойти от станции. Другие девичьи тоже начинали ныть и жаловаться на усталость. У всех у них тек от жары макияж, всем натерла обувь, а кто-то даже умудрился сломать каблук.

Мальчишки тут же, пользуясь остановкой, разбрелись по кустам – наверняка курить, а, возможно, и пить. И Светлана Петровна Демина, молодая учительница физкультуры, с досадой подумала, что зря согласилась вести этих неблагодарных сволочей в поход. Что мешало ей, как другим, сослаться на заболевшего ребенка? Ну, положим, никакого ребенка у нее еще не было, но ведь мог же заболеть кто-нибудь из родственников. Сумел же кое-то вовремя отделаться, наплетя про свою «заболевшую Леночку». Кто бы сомневался, что один больной ребенок куда лучше двадцати четырех здоровых.

Демина раздраженно прошагала в конец строя и нависла над Ниной Солоухиной.

– Что с тобой опять? Утомилась?

Вокруг раздалась смешки, и толстое лоснящееся лицо Солоухиной побагровело еще больше. Она затравлено оглянулась по сторонам и пробормотала что-то невнятное.

— У неё понос, она всех зверей в кустах своим задом распугала, — помог один из Нининых одноклассников.

— Заткнись, — огрызнулась Солоухина, жалко и неубедительно, и посмотрела на Светлану Петровну с тупым животным страданием.

Маленькие глазки почти терялись в ее красных щеках. Короткие волосы прилипли к потному лбу. Демина, глядя на нее, всегда испытывала невольное отвращение. Вечно у нее что-то болело. Вечно она жаловалась. И меньше всего Деминой хотелось сейчас возиться с ней, защищая от нападок одноклассников. Они тоже когда-то над такими смеялись, и ничего — все живы...

Демина вытерла пот со лба. День, и правда, выдался совсем летний.

Проще всего было теперь отпустить Солоухину домой, благо и от станции, вроде бы, ушли не далеко. Светлана Петровна покопалась в сумке-кошелек, висящей на поясе, и протянула ей обратный билет.

— Точно доедешь? — строго спросила она у девочки.

Нина смотрела тупо и тяжело дышала от жары.

— И обязательно позвони родителям! Пусть встретят тебя! — добавила Демина.

Вид у Солоухиной был почти дебильный, и Светлана Петровна засомневалась, понимает ли ее эта тупая жирная девица.

— Ты поняла меня?

Нина испуганно кивнула и заморгала глазами.

«Надо бы, конечно, ее проводить», — подумала Светлана Петровна. Она оглянулась. Половины мальчишек уже не было видно. Демина слишком хорошо помнила свои школьные годы и боялась теперь, что эти сопливые идиоты нажрут еще по дороге.

Она еще раз недоверчиво оглядела Солоухину: «Может, и не потеряется, — решила Светлана Петровна, — Не совсем же

она...»

— И только давай так договоримся? Я тебя на станции отпустила! Поняла? Не подводи меня! — сказала она.

Нина закивала снова.

Светлана Петровна колебалась еще пару секунд.

— Ну ладно, иди, — решила она и глубоко вздохнула, поджав губы.

Нина Солоухина повернулась и, путаясь в ногах, под смешки и свистки одноклассников, поплелась по дороге. Испачканные в земле тренировочные штаны некрасиво отвисали на огромном заду. Демина невольно поморщилась. Неужели нельзя поменьше есть? Стоявшие ближе к ней школьники успели заметить ее выражение лица и одобрительно зафыркали.

— Нечего прохлаждаться, — Демина строго прикрикнула на свой выводок и, невольно чуть повиливая подтянутыми бедрами, пошла вверх по тропинке.

— А ничешная еще задница, — услышала она за спиной и вспыхнула, то ли от досады, то ли от чего-то похожего на удовольствие. Этого уж точно было у Деминой не отнять — она всегда была в отличной форме.

Нина Солоухина шла, сопя и тяжело шлепая по дороге, уже около часа. Пот струился по ее лицу, и кожа, обожженная апрельским солнцем, горела. Безразмерная белая футболка из мужского отдела, которые только и налезали на нее, пропиталась потом и прилипла к спине.

Она с самого начала не хотела идти в этот поход. Слезы наворачивались у нее на глаза от обиды. Но эта физручка сказала, что иначе «не сможет» поставить ей оценку за четверть. Именно «не сможет», как будто это не от одного ее желания зависело.

Нина не могла ни подтянуться, ни отжаться, она задышалась и пыхтела, когда ее заставляли бегать вместе со всеми, и не могла достать кончиками пальцев до пола. Даже до лодыжек не могла. И когда она нагибалась, кто-нибудь за ее спиной обязательно издавал такой звук, будто она пукнула. И потому Нина ненавидела физкультуру больше всего на свете.

От расстройства Нине всегда хотелось есть, и теперь тоже давно хотелось. Она пожалела, что взяла с собой только несколько бутербродов и маленькую бутылку с водой. Было, правда, еще печенье, но его она как-то незаметно сжевала еще в электричке. Утром на перроне она видела бабуку с пирожками, и теперь эти пирожки, горячие, в промасленной бумаге не давали ей покоя. Вместо них она один за другим проглотила два бутерброда. Но это, конечно было не то. Ужасно хотелось чего-нибудь сладкого.

Она даже пожалела, что не купила там же, на станции, большую бутылку колы.

Но, в общем и целом, теперь, без одноклассников и без Деминной, Нина заметно повеселела. Ей хотя бы не грозило больше весь вечер сидеть на самом краешке бревна, пытаясь стать невидимкой, и молиться о том, чтобы никто не додумался избрать ее предметом шуток.

Она остановилась и высыпала сырую картошку, приготовленную для костра, в канаву. После избавления от этой бесполезной ноши рюкзак и вовсе стал легким, только куртка мешалась. Нина просунула ее под лямки рюкзака и пошла дальше.

Около часа пополудни Нина вышла на развилку трех дорог, и не смогла вспомнить, куда нужно поворачивать. Она свернула на ту колею, которая показалась ей более изъезженной, и шла по ней еще какое-то время, пока не поняла, что совсем не узнает этих мест. Дорога сузилась в небольшую тропинку, и по обеим ее сторонам довольно давно уже тянулась молодая сосновая поросль и бурелом сухих кустов. Нина подумала, не повернуть ли ей назад, но потом решила, что и эта дорога ведь куда-то да ведёт, и пошла дальше.

Нина шла и шла, стараясь быстрее преодолеть оставшийся путь. Лишь когда на очередной развилке Нина выбрала ту дорогу, где солнечные лучи не слепили бы ей глаза, она впервые заметила, что солнце начало медленно клониться к горизонту.

Нина остановилась и в первый раз осмотрелась.

То, что она заблудилась, казалось невероятным, просто

невозможным. В конце концов, это не Сибирь, и не тайга. И все-таки начинало темнеть, а она так и не дошла до станции.

Впервые Нина пожалела, что, как всегда, забыла дома телефон, эту ужасную деревяшку, которую купили ей вместо смартфона. Она даже обыскала карманы куртки и проверила отделение рюкзака в безумной надежде все-таки обнаружить его там, но карманы были пусты.

Нине стало жутко, и тут же громко и требовательно заурчал ее живот. Нина остановилась и достала целлофановый пакет с последним бутербродом. Толстый кусок белого хлеба, пропитавшийся маслом, с подтаявшим пожелтевшим сыром и с прилипшей к нему салфеткой, выглядел не очень аппетитно, но оказался безумно вкусным, так что она облизала пальцы и собрала крошки, оставшиеся в пакете.

Нина отвинтила крышку бутылки и одним глотком допила теплую, чуть затхлую воду. Вытряхнув на язык последние капли, она выкинула бутылку в кусты, и невольно оглянулась в поисках чего-нибудь еще. Она вывернула и потрясла рюкзак, но оттуда посыпался лишь песок и мусор. Нина подумала, что, если она поторопится, то, может быть, еще успеет прийти на станцию до закрытия магазина, и двинулась дальше.

Заметно удлинились тени. Солнце начало цепляться за верхушки деревьев, и становилось прохладно. Поднялся ветерок. У Нины ныла спина и болели ноги, каждый шаг давался ей теперь с трудом. Влажная от пота футболка липла к телу и заставляла её дрожать от холода. Нина остановилась и натянула пропылившуюся и перепачканную в земле куртку.

В быстро надвигающихся сумерках ей вдруг показалось, что вдали, у леса, чернеет что-то, похожее на строения. Нина взгляделась, и в самом деле разглядела среди деревьев крыши домов, должно быть, там была деревня. Дорога уводила от нее в сторону, и Нина сошла с нее. По бездорожью идти было труднее, несколько раз она наступала в ямы с талой водой, и ноги у нее промокли до колен. Колело в боку. Вскоре Нина выдохлась и пошла медленнее. Она напряженно вглядывалась, но никак

не могла разглядеть свет в окнах домов.

Свет и точно не горел, скоро пропали в этом всякие сомнения. Дома, как и все вокруг, погружались в темноту. Теперь они уже были хорошо видны. Ни из одной трубы не поднимался дым. И собаки не лаяли. Кругом было тихо.

Буреломы запущенных садов не скрывали провалившихся крыш, покосившихся бревенчатых стен и зияющих чернотой окон. Давно не езженная деревенская улица заросла. Со стены одного из домов, облупившаяся, с лоскутами выцветшей краски, смотрела в подступающую ночь пятиконечная звезда. Тревожимые ветром, стучали по крыше ветки. Нина развернулась и поспешила прочь от брошенных домов. От ужаса сердце ухало и грохотало у неё в ушах. Только когда дома совсем скрылись из виду, Нина прислонилась к дереву, чтобы перевести дух.

Погасли последние отблески заката, и на небо высыпали звезды.

Налетали порывы ветра. Нина не видела теперь, куда ставить ноги, и проваливалась на каждом шагу в какие-то ямы и спотыкалась о кочки. Поясница болела и, казалось, готова была переломиться. Последняя надежда на то, что она еще сегодня выйдет к людям, таяла с каждой минутой.

Наконец Нина села на краю поля, у корней старой березы, где деревья хоть немного защищали ее от ветра. Объятый непроглядной тьмой лес страшно дышал за ее спиной. Сначала от испуганного биения собственного сердца Нина не слышала ничего. Но постепенно, к своему ужасу, она стала различать множество звуков. Стонали и скрипели деревья, в кустах и сухой траве раздавались шорохи. Далеко в поле, повторяя один и тот же резкий заунывный мотив, кричала ночная птица.

Скорчившись на холодной земле, Нина вспоминала родителей, и маленькую кухню, пропахшую супами, и ей хотелось плакать. Слезы покатались по ее щекам, тихие и испуганные, как и она сама. Нина подтянула колени к груди и постаралась плотнее закутаться в куртку, но очень скоро ее начало колотить от холода.

Где-то в середине ночи ветер утих, и звуки, обступившие ее со всех сторон, приблизились и стали отчетливее. Несколько раз Нина забывалась тяжелым беспокойным сном, и просыпалась в ужасе, подсакивала на месте и озиралась, услышав где-то совсем рядом с собой треск сучьев и чье-то тяжелое мокрое дыхание.

Когда она проснулась в очередной раз, солнце было уже высоко.

За ночь куртка отсырела и стала тяжелой, как мертвое животное. Все тело затекло. Нина ползком перебралась на солнце, и какое-то время бессильно лежала, ни о чем не думая, и просто наслаждалась теплом.

Не чищенные со вчерашнего утра зубы были шершавые на ощупь, когда она трогала их языком. В горле першило, и, не смотря на солнце, она вздрагивала от каждого порыва ветра.

С трудом поднявшись, Нина огляделась и не смогла вспомнить, откуда пришла вечером. Она побрела наугад полем, чтобы только не уходить с солнца, не заходить в холодную зябкую тень. Мелькая черно-белыми крыльями, далеко впереди взмывала вверх и вновь ныряла вниз, будто танцевала, птица. Быть может, это была та же птица, что пугала ее ночью своими криками.

Было, наверное, обеденное время, и солнце нещадно палило с верхушки неба. Растворившись в его слепящем свете, где-то над головой заливались жаворонки. Поля и перелески сменяли друг друга, но ничто не напоминало о том, что где-то здесь, неподалеку живут люди.

Земля пылила, и высохшие метелки многолетников были все в этой солоноватой пыли. Талая вода нестерпимо блестела в низинах и выбоинах, но Нина пока не решалась пить ее.

Снег, белевший еще кое-где в ложбинках, казался ей надежней. Может быть потому, что в детстве зимой она все время ела его тайком, наедалась им, а потом лежала с больным горлом и температурой, и неделями не ходила в детский садик. Это было самое уютное, самое спокойное время ее детства. Мама всегда

так вкусно кормила ее, так баловала, когда она начинала идти на поправку.

Белевший кое-где в ложбинках, снег казался сахарным, полным воды и вкусным, и вскоре Нина стала жадно загребать его горстями и отправлять в рот.

Она вспоминала, как накануне вытряхнула картофелины в придорожную канаву, и сейчас ей уже казалось, что она съела бы ту картошку сырой, жадно бы вгрызлась в каждый клубень, не очищая его от земли.

Мысли немного мешались у нее в голове. Что же физручка вчера говорила им на станции? Что леса здесь тянутся до самого Муромы? Или Мурманска? Хотя нет, Мурманск, вроде бы, далеко на севере... Но может быть и до Мурманска...

Нина шла и вспоминала теперь без разбора, и мамины супы с солнечными капельками жира на поверхности, и даже утренние каши и какао, которые давали когда-то на завтрак в детском саду, и ей казалось, что она уже никогда не доберется ни до дома, ни до людей вообще.

От снега першило воспаленное горло, и больно было глотать даже собственную вязкую слюну. Перед глазами плыли красные круги, и Нина временами забывала, кто она, и где находится, растворяясь в солнечном мареве. Каждый шаг отдавался болью в спине. Несколько раз она садилась на землю и с каждым разом, ей все труднее было подниматься. Она всегда была толстой, рыхлой и слабой, – со слезами думала она.

Что-то слабо хрустнуло у нее под ногами, и Нина заставила себя открыть глаза и вытереть рукавом слезы. С трудом опустившись на колени, она раздвинула сухую траву. Два из пяти пестреньких, куда меньше куриных, яиц были раздавлены. Из их скорлупы вытекала полупрозрачная вязковатая жидкость, из одного вывалился почти полностью сформировавшийся птенец. Как пленкой, тонкой розовой кожицей были затянuty темные и выпуклые глаза, ни разу еще не раскрывавшиеся. Птенец судорожно подергивался, пытаясь перевернуться. В кустах раздавалось возбужденное отчаянное щебетание и потрескивание

птицы.

Нина двумя пальцами взяла одно из уцелевших яиц. Слезы все еще катились у нее из глаз, но теперь что-то более жесткое, то, чего раньше она в себе не знала, словно подняло голову у нее внутри. В конце концов, не известно было, попадётся ли ей какая-нибудь другая еда. Нина осторожно обтерла яйцо о подол футболки и снова уставилась на него.

Дома мать иногда взбивала для нее сырые яйца с сахаром, и это было вкусно. Быть может, и без сахара их можно есть, – подумала она, зажмурилась и положила яйцо в рот.

Скорлупа хрустнула, и она почувствовала что-то хрупкое и одновременно упругое, по подбородку потекла клейковатая жидкость. Нина изо всех сил постаралась побороть тошноту и не выплюнуть тепловатое, и, кажется, шевелящееся содержимое яйца.

Скорлупа и кости захрустели на ее зубах, перетирались и рвались тонкие тугие связки и зачаточные мышцы. Скользкое склизкое мясо под тонкой жалкой складчатой кожей, скользило по зубам. Нина жевала со звериным урчанием, заставляя себя не думать о птенце, и не думать о вкусе, пока что-то слизистое и горькое не наполнило ее рот.

Она прислонилась к стволу березы и тяжело дышала, отгоняя тошноту. Вокруг не было ничего, чем бы можно было заесть эту горечь. Ни листочка, ни травинки. Она наклонилась и, царапая пальцы, загребла целую пригоршню сероватого льдистого снега и с жадностью втянула его с ладони губами.

С трудом она проглотила месиво, заполнившее ее рот, но пустой желудок тут же скрутило. Нина согнулась пополам, и ее вывернуло наизнанку. Она вспомнила черные, как горошины перца в супе, затянутые пленкой, глаза птенца и его уродливый хрящеватый клювик, и ее вырвало еще раз – пустотой, желчью и желудочным соком.

Нина обессиленно привалилась к стволу. Берёза казалась смутно знакомой, ей почудилось даже, что это та самая береза, под которой она ночевала в прошлую ночь. Рвотные спазмы

отступили, но в голове все еще шумело. Нина напоминала себе, что нужно встать и идти дальше, но что-то в ней будто сломалось, и силы оставили ее. Она сползла на землю, подложила локоть под щеку и закрыла глаза. От нее пахло рвотой, и ей было все равно.

В поле все так же с посвистами гулял ветер, и эти звуки усыпляли. Потом ей вдруг стало казаться, что за шумом ветра она слышит и еще какой-то звук. Очень слабый. Как монотонное жужжание насекомого. Открывать глаза не хотелось. Она обратилась в слух и замерла, но слышала снова только порывы ветра.

Нина неуклюже села, и звук, теперь уже точно похожий на таракание машины, стал слышнее. Нина вертелась по сторонам и до боли вглядывалась в даль. Вскоре она и впрямь увидела трактор, ползущий по дальнему краю поля, там, где полоской чернела вспаханная земля.

Чуть в стороне росли из земли пестрые крыши домов.

Словно смеясь над ней, порыв ветра донес слабый гудок поезда, и она заметила и тут же узнала дорогу, по которой они вчера шли с классом от станции. Дорога проходила тут же, чуть в стороне.

Нина сидела и смотрела на трактор и на крыши. Потом взгляд ее упал на разоренное гнездо, и она содрогнулась от отвращения к себе. Впервые она не удивлялась, что все вечно издеваются над ней.

Электричка начала сбавлять ход. Еще на станции по телефону Нина узнала о том, что ее искали всем классом, и что Демина не спала два дня, и вся извелась от беспокойства. И весь этот поисковый отряд, видимо, толпился теперь там, на вокзале, на залитой вечерним светом платформе, встречая ее.

Нина не сомневалась, ради чего. Они, конечно, всего лишь хотели вдоволь позабавиться. Нина представила, какой она, должно быть, сейчас предстанет перед ними. Дебелый рыхлый слон, нечистоплотная свинья, с нечищеными зубами и редкими сальными волосами. Еще более гадкая и неприятная, чем всегда. Жирная идиотка, потерявшаяся в трех соснах.

Желудок отчаянно болел от голода, но к пышному батону белого хлеба, купленному на станции, Нина едва притронулась. На секунду розоватый голый птенец снова мелькнул перед ее взором, но она тут же запретила себе думать о нем.

Электричка дернулась и остановилась. Нина поднялась и, оставив батон на лавке, двинулась к выходу. Ей даже не нужно было смотреть на одноклассников, чтобы представить себе их издевательские ухмылки.

Опустив плечи и ни на кого не глядя, она вышла из вагона. Светлана Петровна, и впрямь не спавшая вторые сутки от беспокойства и самых ужасных опасений, бросилась ей навстречу, но в последний момент почему-то передумала ее обнимать и остановилась в неловкости. Что-то в Солоухиной ее всегда просто-таки отталкивало.

— Господи, Нина!.. Твоя мать ночь не спала, у нее же с сердцем плохо, разве ты не знаешь! — преувеличенно громким голосом затараторила она, — Мы ВСЕ эту ночь не спали... Я уж и не знала, что делать...

Светлана Петровна осеклась, потому что вдруг ей показалось, что Солоухина вовсе ее не слушает.

— Нина, может, ты скажешь что-нибудь?! — спросила Демина, стараясь придать голосу строгость.

Но Солоухина уже шла к выходу с перрона и не обернулась. Демина ошарашено глядела ей вслед.

— Наверное, она не в себе, — пробормотала она, голосом более обиженным, чем ей того хотелось.

Светлана Петровна подумала, что Солоухина, и в самом деле, крайне неприятная девица. Да и все эти подростки крайне неприятны.

В СУХОМ ОСТАТКЕ

Ленка жила спокойно до одиннадцати лет, пока не влюбилась в Кольку. Бегала в школу с разросшейся травой на крыше, помогала матери в огороде полоть и поливать грядки, ходила

к колонке за водой.

Учиться Ленке нравилось, нравилась и учительница, молодая и добрая, приехавшая из соседнего поселка. Ленка легко и без труда выучилась читать и писать. Со счетом было, правда, хуже. По невнимательности Ленка порой допускала такие ошибки и описки, из-за которых вроде бы правильно решенные примеры часто не сходились с ответами. Иногда даже учительница подолгу не могла понять, в чем же тут дело. «Опять ворон считала?» – ругалась мать, когда она приносила домой свои четверки и тройки. Ленкин же отец с плохо скрытым удовлетворением ворчал, что и из нее никогда не выйдет счетовода.

Отца Ленка всегда немного побаивалась, хотя он ни разу даже не повысил на нее голос. Она часто слышала от других – да так и привыкла думать, – что это потому, что он «из городских». Мать всегда была ей ближе и понятнее. Мать ругалась часто, но быстро и уходила.

По неписаному кодексу младших школьников, с мальчишками Ленка не водилась. Вместе с другими девочками она воротила от них нос, считая их двоечниками и грязнулями, хотя у самих этих аккуратисток руки были порой ничем не чище. Что и неудивительно, при деревенской-то жизни.

Были девочки, – Танька, например, из многоквартирного дома, что «на задах», – которые с мальчишками дружили, но таких девочек все считали грубыми. Кроме того, им невозможно было доверять – что ей стоило выболтать потом все твои тайны мальчишкам? Все равно, что рассказать о чем-то самому мальчишке: иногда, когда они поодиночке, тоже кажется, что с ними почти можно дружить. Ну а потом он возьмет и выболтает всё другим ребятам – тебя потом неделю будут дразнить, а он сам – больше всех.

Да и училась та же Танька из девочек всех хуже, так плохо только мальчишки учились. Впрочем, из многоквартирного дома никто хорошо не учился, а старших ребят оттуда вообще побаивались.

В общем, с мальчишками все было понятно.

Но Колька не был мальчишкой. Он был парнем, на целых семь лет старше Ленки, из тех, что учились в поселке. По нему уже сохли взрослые девки, с которыми сикушке лучше не связываться. Раньше бы ей и мысль такая не пришла – голову же оторвут.

Но так было раньше, до того, как Ленке исполнилось одиннадцать. До того, как она, неожиданно для себя, впервые «увидела» Кольку, и покой ее был нарушен навсегда. С тех пор мужчины стали волновать ее, и уже никогда не оставляли равнодушной.

Вскоре что-то такое стали и они подмечать в ней, потому что после того первого раза с Колькой – когда она вернулась домой с изжаленным крапивой задом, в перепачканном землей платье и трусами, которые она потом тайком, ночью, отстирывала за баней, – у Ленки было много мужчин, самых разных. Казалось, не было мужчин, которые совсем бы ей не нравились.

После первого неудачного опыта Ленка оправилась быстро и полностью. Она вдруг обнаружила, что дело и не в Кольке вовсе, и на нем свет клином не сошелся. Тем более, он больше и не смотрел на Ленку. Сам он постарался скорее забыть о том, что был с ней, потому что о таком, с сопливой малолеткой, и вспоминать было стыдно. Слишком он был пьян, да и не почувствовал особо ничего с напуганной девчонкой.

Так что Ленка испытала скорее облегчение, когда осенью Кольку забрали в армию. То тайное, что связывало их чем-то стыдным и страшным, что смущало ее и что, словно стеной, отделило ее от бывших подружек и одноклассниц, ушло вместе с ним. Он так никому о ней и не рассказал. И Ленка, ходившая весь месяц, не смея поднять головы, снова зажила вольно. Но учебу с той поры она забросила.

В ту же осень, когда Николая забрали в армию, Ленке предстояло перейти в поселковую школу, за четыре километра от дома.

Дома, в деревне, копали картошку. Все было сыро, с деревьев капало. У начальной школы изъеденные молью тополя совсем лишились листьев. И было странно проходить мимо

школьного крыльца, отправляясь туманными утрами, еще до света, в поселок.

В поселке присмотра за Ленкой стало еще меньше, и она быстро ощутила полную свободу. Теперь, когда первый раз уже случился, Ленка больше не боялась, и словно бы для этого и была рождена.

Второй раз случился вскоре, и был простым и легким. Ленка почувствовала в себе странную и тайную силу, власть над мужчинами. Она часто слышала от своих ухажеров, что так, как с ней, не было ни с кем, и по их охрипшим голосам она чувствовала и верила, что так оно и есть.

Последнее лето в деревне было, кажется, то, когда к ним на два месяца привозили Машку, двоюродную сестру-малышку, которая вечно по ночам просыпалась и громким шепотом просила взять ее с собой. Ленка только смеялась и прижимала палец к губам.

В то лето в темноте ревели мотоциклы подростков Ленки и парней постарше. Пили крепкое теплое вино, катались по бездорожью, по белевшим в лунном свете ухабам. В середине августа один из парней, Витька из многоквартирного дома, разбился насмерть, и это как-то само собой оборвало то незабываемое лето. Ленка, уже думавшая о том, чтобы уехать из деревни навсегда, почувствовала вдруг, что это конец всей ее прошлой жизни.

Вскоре ушел отец. Он был городской и всегда тяготился деревенской жизнью. Ленкина бабка, почерневшая и сморщенная от солнца старуха с корявыми пальцами, — весь день, пока была жива, не разгибаясь, копавшаяся в огороде, — часто качала головой, глядя на него. «Вот, вроде, и делает всё по дому, а всё кое-как, без души. Как будто и не для себя...» Так что Ленка не удивилась.

Незадолго до его ухода она слышала во время одной из родительских ссор, как он, едва понизив голос, назвал ее проституткой.

Самой Ленке, впрочем, отец не говорил ничего. Он вообще

в последнее время старался избегать общения с ней, но по его взглядам, которые она порой ловила на себе, она понимала, что слухи до него доходят. Он говорил матери, и та, не стесняясь, драла ее, когда ловила с поличным. Но на Ленку ничего не действовало. Отец же теперь явно ею брезговал.

Момент его ухода и отъезда в родной город прошел для Ленки почти незамеченным. Она тогда уже почти не ходила в школу и редко приходила домой ночевать.

За тот месяц перед отъездом, что отец прожил на краю поселка в многоквартирном бараке, отдельно от семьи, Ленка не разговаривала с ним ни разу. Пару раз видела его издалека, но он только стыдливо отворачивался.

Отец уехал в декабре. Мать вскоре поехала за ним в город, очевидно надеясь вернуть его. Никто и не ожидал такого порыва от этой земной и практичной женщины, давно некрасивой, приземистой, работающей. Никто никогда не замечал между ней и ее мужем особой любви. Жили и жили.

Вскоре в деревне стало известно, что Ленкин отец получил развод и женился в городе снова, на городской. Ждали, что Ленкина мать вернется в деревню, но она так и не вернулась.

Сама Ленка в это время уже училась в райцентре, в училище, и жила в общежитии. У нее уже была совсем другая жизнь.

ЕЩЕ РАЗ ПРО КРАСНУЮ ШАПОЧКУ

На остановке «Каменная плотина» автобус даже не всегда останавливается. Сколько я здесь езжу, почти никто и никогда здесь не заходит и не выходит. Должно быть, поэтому женщина и девочка в красной шапке так бросаются в глаза.

Доктор Даун называл то, что с девочкой, «монголизмом». Это название всегда нравилось мне. Мне вообще нравилось в учебниках всё, что не относилось напрямую к медицине. Ещё на подкурсах, к примеру, меня надолго пленила мысль о рыбах северных морей, которые упоминались в методичке по биологии. У них в организме есть какие-то там особые ненасыщенные или

насыщенные жирные кислоты, не позволяющие телам замерзнуть, одеревеневать, теряя гибкость, при минусовых температурах. Подробности я сейчас уже не помню. Да и слава Богу. Сугубое увлечение неважными для профессии мелочами вообще порой беспокоит меня. Но, впрочем, я начала говорить не об этом.

Девочка. И точно, она — словно последыш нашествия, хоть и не плоска лицом, и волосы её не жёсткие и не чёрные. Я смотрю на них дольше, чем на любого другого, дольше, чем вообще прилично смотреть на людей, но, к счастью, женщина не замечает этого. По сторонам она не смотрит.

У женщины тяжеловесное лицо немолодой скандинавки, такой вот потёртой жизнью Брунхильды. Она устраивается на сидении, усаживает девочку и поправляет на ней шапочку: снимает её, приглаживает волосы и надевает снова. Волосы у девочки мягкие, как пух, и цветом почти как у женщины. И всё равно, она — подкидыш. Не похожа на маму, не похожа на папу, и никогда не будет похожа, — думаю я.

Я захожу в автобус, а через пару остановок обычно заходят они.

Автобус забит студентами Университета, и такую разношерстную толпу ещё поискать. И вот мы едем все вместе, нас много, мы дышим паром, но ни пар, ни сила трения не в состоянии прогреть внутреннюю полость автобуса — он как консервная банка на морозе — в инее, и снаружи, и изнутри.

Вскоре автобус неизбежно вмерзает в пробку и продвигается вперёд рывками, словно каждый раз выдирая себя из льда. Как «Фрам», корабль норвежца Нансена — пока не вмёрз окончательно в полярные льды, чтобы дрейфовать с ними к полюсу.

Пейзаж снаружи не меняется, как не менялся бы, сколько ни жди, пейзаж из окна, особенно тюремного. Двигается только время, медленно и тягостно, вхолостую, и вхолостую же газуют в морозный воздух сотни машин там, за окном. Вечер, и без того короткий, тает.

Снаружи начинают кружить снежинки, редкие и сухие. Машины, среди которых мы, как остров в океане, газуют, но не движут-

ся, тоже вмерзшие. Мы теперь как целая флотилия «фрамов». Промороженный белый асфальт и серый снег обочины – одного цвета, скоро и всё станет одного цвета, сумерки подступают, стирая краски.

Я снова смотрю на девочку. Ей скучно.

В руках у неё флажок из Макдональдса. Не известно, сколько ему дней, но, видимо, флажок Красной Шапочке надоел. Она нарочно кидает его на пол и смеётся – ждёт, когда женщина поднимет. Женщина устало наклоняется и поднимает флажок с пола. Девочка нетерпеливо тянется к нему снова, но женщина перехватывает её ручки и складывает их на коленях.

Студенты вокруг шумят.

Сквозь щели в суставах автобус постепенно заполняется выхлопными газами. На морозе этот запах тоже как бы кристаллизуется, и в нём появляется что-то, напоминающее воздух ранним зимним утром. Запах, не то чтобы неприятный, но усыпляет. Позволяет окуклиться на сиденье у окна, прислонившись к холодному стеклу виском.

Автобус дёргается и намертво встаёт у остановки, я открываю глаза. За окном ещё темнее. Я вглядываюсь, приставив руку козырьком к стеклу, и вижу площадь Индиры Ганди. Створки дверей распахиваются. Почти все студенты высыпают наружу: здесь переход, а за дорогой начинаются общаги.

Горят фонари, почти до неузнаваемости дробя площадь пятнами теней и жёлтого света. Коричневый и сморщенный, как мумия в мерзлоте, торчит на своём постаменте великий однофамилец Индиры, но его едва можно разглядеть. Кажется, из-за такой же фрагментации зрения не видят друг друга хищники и их жертвы в африканской саванне, – думаю я. Это я тоже где-то читала. Ещё одна порция ненужных знаний.

Автобус без студентов пустеет и наполняется сумерками, но ещё долго стоит с распахнутыми дверями. Наконец, двери схлопываются, как створки крыльев насекомого, и этот звук вдруг напоминает о лете, и лето кажется отсюда чем-то небывалым.

Автобус, легкий, порожний, до свиста пустой, летит сквозь

сумерки к окраинам.

Девочка балуется, высовывает язык и пытается лизнуть поручень. Женщина с терпеливой, очень терпеливой улыбкой удерживает её.

— Не надо, детка.

Она отворачивает головку девочки от поручня. У девочки текут сопли, женщина вытирает ей нос. Девочка смеётся. Она смеётся и смотрит по сторонам. Женщина по сторонам не смотрит, она вообще ни на кого не смотрит, только на девочку, и, временами, за окно. Теперь ехать им осталось недолго.

— Потерпи немного, почти приехали, — женщина снова поправляет на ребенке шапочку. — Во-он, видишь наш дом?

Она вытягивает ручку девочки в сторону окна, но девочка отвлеклась и не смотрит. Она с восторгом смотрит снова на захватанный и отшлифованный сотнями рук поручень. Женщина терпеливо, очень терпеливо удерживает её.

— Не надо, детка.

Автобус тормозит у остановки, и они идут к выходу. Кроме квартала с башенками, других домов здесь нет: только через дорогу разбросаны по полю маленькие коттеджи, а чуть дальше в ряд стоят, уходящие к горизонту, индустриальные башни, накрывшие своей тенью всю округу.

Женщина и девочка выходят на пустой остановке, женщина берет девочку за руку, и вдвоем они проходят в ворота. Охранник их узнает и пропускает. Я думаю, что окна их дома выходят в поле, а за полем — лес. По вечерам здесь наверняка очень тихо и пустынно.

Я смотрю им в след, смотрю на них сверху вниз из окна, и вдруг снова думаю, что они не похожи на мать и дочь. Они похожи на земную женщину и маленькую инопланетянку. Я думаю — не страшно ли женщине по вечерам наедине с этим странным существом, ребёнком других миров?

Я смотрю им вслед, пока автобус набирает ход, и я ещё могу их видеть. Женщина похожа на бывшую спортсменку. Рослая, сильная, с узкими бедрами, но уже расплывшаяся. Возможно, она

долго откладывала рождение ребенка. А, может, старшие её дети уже выросли – кто знает?

Автобус едет всё быстрее, и в арке на секунду мелькает безлюдная, еще не застроенная даль, а вернее, небо, ещё не совсем погасшее, над потонувшей во тьме далью. Небо сиреневеет одно мгновенье, а потом только и видно, что забор, забор, забор.

Квартал для богатых, в жизни которых не должно быть ни горя, ни слез. Впрочем, девочка кажется счастливым ребенком. И женщина улыбается, глядя на неё. Она – сильная женщина, это я знаю наверняка.

Вернее, чувствую всеми своими поджимающимися печёнками, латинские названия которых уже не помню. Мать Алёшки, едва не ставшего моим юным мужем – юным мужем не менее юной жены, – тоже была сильной.

А еще такой была Наталья Петровна.

Она не была сухой. Взяла то, что ей было нужно, но сухой не была. Я даже подозреваю, что она не настаивала на разводе моих родителей, пока я была маленькая. По кое-каким предательски завалывшимся фотографиям, они с моим отцом на протяжении многих лет ездили по гостям и по пляжам, и он, ухмыляясь в камеру, обнимал её полное, любящее земные радости тело. Задолго до того, как его вещи начали постепенно исчезать из квартиры, чтобы, в конце концов, вслед за ними исчезнуть и ему.

Я знаю, отец изменял и ей – он не скрывал этих своих подвигов, – но, что показательно, всегда называл её не иначе, как по имени-отчеству: Наталья Петровна. Других женщин, в том числе и мою мать, он величал за глаза попросту Ленками и Светками.

Ко всем праздникам Наталья Петровна теперь передает нам маленькие подарки. Быть может, она даже с нами дружит. Мы фыркаем, разворачивая бирюзовые и ядовито-розовые кухонные полотенца с грибочками, мышками и кошками, но подарки принимаем и неизменно просим передать благодарность – ибо нет большего греха, чем отказываться от кошмарных, дешевых

и абсолютно ненужных подарков.

Дошло до того, что я даже не чувствую ненависти к Наталье Петровне. Скорее, сочувствие — угораздило же связаться с отцом. И ведь — она же не то, что мы, — она же умная.

Отец и теперь ездит к Наталье Петровне, но жить у неё не живет — они предпочитают на старости лет считать себя свободными. Расчувствовавшись, отец всегда вспоминает, как они, бывало, возвращались из гостей и пели с Натальей Петровной в троллейбусах так, что «все им аплодировали». «Что ты! Такая женщина была!» — заканчивает он с восхищением.

Иногда отец в одиночку исполняет номера их совместного репертуара, но песни звучат заунывно и обреченно, хотя он этого и не замечает.

Звонит мой телефон. Я смотрю на номер и решаю не отвечать. Но зачем-то нажимаю на кнопку и подношу мобильник к уху.

Я слышу что-то типа: «ЗдорОво, как жизнь?», — и знакомый, подзабытый, и режущий — ухо-не ухо, — но что-то режущий, голос является из прошлого.

Алёшкин голос звучит лениво и радостно, и, очевидно, он ждет взрыва ответной радости от меня.

Меня тошнит.

— Замечательно, — говорю я. — Зачем звонишь?

Он удивляется моей грубости, но ненадолго. А, может, и вовсе не удивляется, просто не замечает моего тона.

— Поболтать, — говорит он.

— Типа делать нечего? — я говорю резко и снова не пытаюсь это скрыть.

Алёшка молчит, потом появляется снова.

— Да я за матерью на работу заехал, жду, когда она соберется...

Лёшка теперь заканчивает аспирантуру, а заодно пашет на свою мать — он у нее что-то типа личного шофёра. Насколько я знаю, с этим расчётом ему и была подарена машина. Я ловлю себя на мысли, что я всё ещё знаю кое-что о его жизни. Эта мысль

почему-то несказанно удивляет меня сейчас.

— А, — говорю я. — Время убиваешь? Что? Развлечь тебя? — говорю я вслух.

Я, кажется, слышу его смешок.

— Ну да, — он и правда смеётся. Он и раньше, когда его припирали к стенке, иногда говорил правду.

Я тоже невольно улыбаюсь, и какое-то время мы болтаем с ним почти по-дружески, как в старые добрые времена. Потом в трубке слышится треск, шорох и шум, и, выплывая из этого шума, его голос становится рассеянным, его внимание уже мне не принадлежит.

— Ну, ладненько тогда... Мама вышла, — сообщает он, и я слышу, что он готов повесить трубку. Я так и вижу на заднем плане, как она выходит, каким-то образом, сразу забирая на себя всё внимание.

— Привет маме, — вставляю я.

Он едва успеваает ответить, что-то типа: «Ага, обязательно», — и отключается.

Я смотрю в окно.

Я думаю, что теперь он долго не позвонит — я, кажется, была немного груба и не слишком приветлива. Но навсегда Лёшка не пропадет, в этом я уверена.

В конце концов, он решит, что у меня просто было дурное настроение: он ни за что не поверит, что кто-то может быть ему не рад. Я вижу в этом отголосок жизненной силы его матери. Жизненной силы сорняка, который растёт и цветет вопреки всем и всему. Ведь это они растут, как сорняки, и только мы — как пустоцветы.

Я смотрю в своё лицо, в его желтый круг в окне, и больше за окном ничего уже не видно.

Вообще, терпеть не могу, когда Лёшка звонит. Я по нему вовсе не скучаю, но всегда, когда он звонит, мне, непонятно от чего, делается грустно и тоскливо. К счастью, это быстро проходит. В конце концов, найти парня — не проблема. Но самое смешное, если я по кому и скучаю, так это по его матери. Они,

эти сильные женщины, могут сломать тебе всю жизнь. Но если ты уцелеешь рядом с ними, и они тебя примут, тебе можно больше не бояться дороги через лес.

У меня уцелеть тогда — ну почти что получилось.

Автобус мчит и мчит меня, и всё ближе моя остановка.